

Василий Катанов

Русская душа

Стихотворения

ЗАПЕВ

Жаворонки-жаворонки в небе,
Жаворонки-жаворонки в хлебе,
Жаворонки в молодой траве.
Слушаю и детство вспоминаю,
О большой любви к родному краю
Закипают строки в голове.
Видел я сиреневое море,
Белых чаек видел на просторе,
Слышал грохот горного ручья.
Но поет невидимая птица —
Никуда мне больше не летится...
С добрым утром, Родина моя!

РОДИНА

Рощами и селами
Хожу — не нахожусь.
На цветы веселые
Гляжу — не нагляжусь.
Речка-серебринка
Шелестит волной.
Каждая травинка
Говорит со мной.
И приносит ветер
Мне привет с полей.
Лучше нет на свете
Родины моей.

ЖАР-ПТИЦА

Стали окна светиться,
Выхожу я во двор:
Над полями жар-птица
Зажигает костер.
Пышет алое пламя,
Достает облака.
Золотыми волнами
Заиграла река.
В двери утро стучится,
Вся в лучах вышина...
Ну, а где же жар-птица?
Солнцем стала она.

ДОРОГА

Выше крыши, выше стога,
Как заря, светла,
Журавлиная дорога
В небе пролегла.
Журавли за морем были
В жаркой стороне,
А дорогу не забыли
В край родной ко мне.

ЯЩЕРИЦА

Ящерица вьется,
В руки не дается.
Ловко вьется меж камней
Не угонишься за ней.
Так и вьется,
Так и льется
С бугорка на бугорок:
В руки людям не дается,
Как весенний ручеек.

АИСТ

Головой воды касаясь,
По болоту ходит аист,
Ищет свой обед:
Квакнет –
Или нет?

ЖАВОРОНОК

Вьется крохотный комочек,
Не боится ничего.
В каждом перышке звоночек
Так и бьется у него.

ЛИСТЬЯ

Над рощей облако плывет,
Цветет в лучах рассвета.
И листья просятся в полет,
Да не пускает лето.

ЗЯБЛИКИ

Шумит боярышник, но зяблики
На землю с веток не слетят.
Они в гнезде, как на кораблике,
В каюте крохотной, сидят.

Дрожит листва, гнездо качается
Они плывут себе вперед,
Туда, где синий май кончается,
А лето красное цветет.

РАК

Дом у рака — тесный дом.
Сам проходит в дом с трудом.
А гостей и не зовет,
Одиноко он живет.
Сам с собою, сам с собою
Говорит, и ест, и пьет.

КАЧЕЛИ

Мы проснулись на заре,
Встали и запели:
Во дворе,
Во дворе
Выросли качели.
Мы садимся — наш полет
Долго не кончается.
Дом плывет, сад плывет,
Вся земля качается.

ШОФЕР

Руль машины я кручу,
Жму на все педали.
Прикачу, куда хочу:
Здравствуйте! Не ждали?
Покачу по мостовой—
Зашуршат шины.
Всех ребят бы взял с собой,
Да мала машина.

В САДУ

А мы с дедушкой вдвоем
В шалаше теперь живем:
Караулим сад зеленый,
Раньше солнышка встаем.
Вместе ходим вечерами
И осматриваем сад.
Как антоновки, над нами
Звезды в сумерках висят.

НА ЛУГУ

На лугу дотемна

Между нами шла война.
Все и вспомнить не могу,
Что творилось на лугу.
И в окопе мы лежали,
И в атаку мы бежали,
Мы бежали со всех ног:
Штурмовали
Сена стог.
Там был ранен я немножко,
А Сережка был убит:
Поднимать пошли Сережку,
А под ним трава храпит.

ЩЕНКИ

В старом ящике, в соломе
Два щенка у нас живут.
Знают все ребята в доме,
Как едят они и пьют.
Тот мохнат
И тот мохнат,
Их любой потрогать рад.
А начнут ворочаться —
Уходить не хочется.
Молоком их поим, чаем,
Не жалеем и конфет.
Даже лаять обучаем,
Если мамы дома нет.

КОСАРИ

Косари идут с покоса,
На плечах сверкают косы.
Говорят, входя в село:
«Луг остригли наголо!»
Мы навстречу выбегаем
Стайкой загорелою
И в подарок получаем
Землянику спелую.

ЦАРЕВНА

Спускаюсь без опаски
С крутой горы к реке:
Зеленая, как в сказке,
Лягушка на песке.
Взяла меня досада,
И я решил сказать:
«Расколдоваться надо,
Пора царевной стать!»
Она взглянула гневно —
И пусто на песке.

Живет моя царевна
В зеленом тростнике.

У БАБУШКИ

Я у бабушки Маруси
Очень весело живу.
У реки гогочут гуси,
Овцы вышли на траву.
Пью утрами чай из блюдца
На крыльце, как во дворце.
И у бабушки смеются
Все морщинки на лице.
Вместе с бабушкой встречаю
Рано солнышко в саду
И по маме не скучаю —
Только очень маму жду.

РЫБОЛОВ

Саша с удочкой в руке
Загорает на реке.
Сдвинул кепку на макушку,
Пескаря большого ждет.
Шепчет: «Папа, а лягушка
На крючок не попадет?»

ЖУК

Коробок в моей руке,
Жук усатый в коробке.
Жук жужжит, щекочется —
Знать, на волю хочется.
Ничего, что он сердит,
Пусть в потемках посидит.
Вот как выйду на лужок —
И открою коробок.

ДОЖДИК

Толпились тучи в синеве.
Я глянул из окошка:
Запрыгал дождик по траве
В серебряных сапожках.
Он молоточком постучал —
Заговорила крыша.
В саду подсолнух покачал —
И стал подсолнух выше.

ОБЛАКО

Подымает облако

Парус белый свой.
Проплывает облако
Низко надо мной.
Видит все травинки,
Слышит шум ручья
И везет дождевки
В знойные края...
Вволю там напляшется
Ливень проливной.
Небо подпояшется
Радугой цветной.

ЛЕТО

Если лето — много света,
Если лето — луг цветет.
В золотых лучах рассвета
Трактор по полю идет.
Школьный дом ребятам тесен,
Все в поход ушли с утра.
Если лето — много песен
У вечернего костра.
Ветки яблонь стали ниже,
Гром ударил вдалеке...
Если лето — крепко лыжи
Спят у нас на чердаке.

ПАРОХОД

Строит Павлик пароход
С мачтой и трубою.
Скоро в море поплывет,
Нас возьмет с собою.
Он — отважный капитан,
С ним играем дружно.
Мы узнаем много стран
Северных и южных.
А кота боимся брать:
Есть такое мнение,
Он захочет поиграть,
Сделает крушение.

КУКУШКА

Кукушка сидит на суку
И громкое слышно: «Ку-ку!»
Кукушка по лесу летает,
Дубы и березы считает.
Считает, считает — собьется,
На ветку присядет устало.
А утром за дело берется,
Считает деревья сначала.

СЛОНЕНОК

Луна плыла все выше,
Луна светила ярко.
Слоненок взял и вышел,
Ушел из зоопарка.
Тот был слоненок очень мал,
Всего с корову ростом.
Он просто Африку искал
И заблудился просто.
Нашли его.
Слониха-мать
Слоненка стала обнимать,
А сторож засмеялся:
«Ты где же, слон, слонялся?»
Вздыхал слоненок и молчал,
Не рассказал слоненок,
Что он по Африке скучал
Давным-давно, с пеленок.

КРАСАВКА

Вон идет моя Красавка!
Я навстречу побегу.
Для нее густая травка
Зеленеет на лугу.
Я кормлю ее травкою,
Я зову ее в избу.
Молча крутит головою
С белым пятнышком на лбу.
Ничему она не рада,
На меня глядит с тоской.
«М-мне, — мычит, — в избу не надо.
Мама в стаде за рекой».

КОЛОКОЛЬЧИК

На лугу под развесистым вязом
На закате погожего дня
Колокольчик стоит синеглазый,
Колокольчик глядит на меня.
Я его не срываю, жалею:
Пусть растет и глядит веселей.
Где расцвел он, там небо синее,
Там румяные зори теплей.

КРАПИВА

В канаве крапива, В канаве крапива
Стоит одинока, Стоит молчалива.
Она лишь кусаться Да
злиться умеет. Легко догадаться — Друзей не имеет.

ГРИБЫ

Трава, умытая дождем, Блестит и ниже клонится. А мы грибы искать идем, Они от нас хоронятся. Шумят березы и дубы, Цветами пахнет сладко. Молчат грибы, Весь день грибы Играют с нами в прятки.

ИСКОРКИ

Разгорелся наш костер,
Так и пышет пламя.
Дым до неба он простер,
Сделал облаками.
Тишина среди ребят,
Не шумят, не ссорятся.
В небо искорки летят,
Звездами становятся.

ЛОПУХ

Рос лопух, большущий вышел,
Мне по пояс достает.
Под его широкой крышей.
Вечно кто-нибудь живёт,
То мяукают котята,
То щебечет воробей,
То хоронятся цыплята
Вместе с мамой своей.
Ни жара их не пугает,
Ни сердитый с неба гром.
Вон по крыше жук шагает,
Свой осматривает дом.

ПОЭМЫ

ИВАН ТУРГЕНЕВ

1

Каштаны. Сплетаются тени.
Скамейки, как будто в строю.
Сидит над Окою Тургенев
И думает думу свою.
Глядит знаменитый писатель
На парк у слияния рек,
России великий спасатель,
Усталый седой человек.
Таким он гулял по Парижу
И славу с улыбкою нес.
Но я его более вижу
В краю, где родился и рос.
Приду постоять спозаранку,
Про давние вспомню дела.
Быть может, увижу Дианку:
Она тут, наверно, была.
Бродила она, не иначе,
И терлась у бронзовых ног.

Звала его в лес под Карачев,
В калужские дали дорог.
Звала на Красивую Мечу,
Во Льгов и другие места...
Не выгнул он грузные плечи,
Не вспыхнул глазами,
Не встал.
Косматого друга по-братски
Не обнял тяжелой рукой:
Навечно его Бессарабский
Отправил сюда на покой.
От спасского сада и дома,
От мест дорогих далеко...
Профессор, по имени Громов,
Придет и вздохнет глубоко.

2

Я вижу родник у ракиты,
Я слушаю чибиса крик.
Дорога для думы открыта:
Откуда поэта язык?
Конечно, из песни и сказки,
Из книги о Русской земле.
Наслушался вдоволь и в Спасском,
И в каждом орловском селе.
Соломою крытые крыши.
Колодцы. Коровы. Трава.
Отсюда он с песнею вышел,
Зерном рассыпая слова.
Гостиная. Дым папиросный.
Лакеи у двери стоят.
А где-то высокие сосны
О Рюрике гордо шумят.
На травах алмазные росы,
Мальчишки у дымных костров
И радостный шум на покосе,
И сонная тишь вечеров.
Зеленые шири за Мценском,
Ромашковый трепет полян.
Он в этом краю деревенском
Писал за романом роман.
Шло слово из песни, частушки,
Преданий, рожденных давно.
И чудилось часто, что Пушкин
Глядит и мигает в окно.
Был Пушкин в серебряном снеге,
В березах, в рубинах рябин,
В загадочном слове «Онегин»,
В печали российских равнин.
Запомнил он гения голос,
И зубы, и блеск его глаз.

Берег его перстень, и волос,
И слова бесценный алмаз.

3

Пруд Савиной дышит прохладой.
Широкие тени ветвей.
За флигелем,
В сумерках сада
Защелкал-запел соловей.
Поет он о шапках сирени,
О липах и соснах поет.
Мне кажется, снова Тургенев
По темной аллее идет.
Все тонкости пения знает,
Все милой актрисе дарит.
И Савина, слушая, тает,
Лицо ее жаром горит.
А вы бы, друзья, не горели,
Попав на такие дары,
Когда он расписывал трели
В саду соловьиной поры?
Выкидывай, милый, коленца,
Осыпав руладами дом:
России поющее сердце
Мне слышится в пенье твоём!
Россия любимого сына
Теряла, когда уезжал.
Была ему эта чужбина,
Как «моря играющий вал».
Сперва с головой укрывала
Улыбкой, как шалью цветной.
Потом одного забывала
С терзающей душу тоской.
И было в подушках лежанье,
Как будто в холодном гробу.
Как стражники, хмурые зданья
Его охраняли судьбу.
Недуги работали грубо,
Далек был российский простор,
Приветно шумящего дуба
Берущий за сердце шатер.
Не сразу расстался со словом,
Упорно трудился, как мог...
Укрыл его белым покровом
Прощанья не знающий Бог.

4

Над Орликом крылья тумана,
За Орликом — гомон и шум.
Так вот она, завязь романа,

Раздолье тургеневских дум.
Мелькают стрижи у карниза,
Черемуха снежно цветет.
И девушка, кажется, Лиза
Стоит у тесовых ворот.
Ты помнишь веселые весны,
Сирени пожар голубой?
По травам туманным и росным
Сюда мы ходили с тобой.
Мы жили высокой надеждой,
Был берег загадочно нем.
На скрипке протяжно и нежно
Играл нам восторженный Лемм.
Мы в Спасском,
Тургеневском Спасском.
Сомкнулась над нами листва.
Как будто на дивную сказку
Сошлись Петербург и Москва.
Внимают народы и страны,
Откуда тургеневский род.
Научный сотрудник Богданов
Экскурсию нашу ведет.
«Гостям, разумеется, рады»,—
Седую качнул головой.
Ведет нас по дому,
По саду,
Под шепчущей тихо листвой.
Сиреневый дом — это чудо,
Не просто одна из квартир.
Не просто — картины, посуда,
А мысли дарующий мир.
Не просто часы и портреты,
Шкафы и диван-самосон,
А праздник свободы и света
И шелест российских знамен.
Я слышу победные звоны,
Я вижу кипение сил.
Недаром сам Грозный икону
Отважному предку дарил.
И слово,
И слава — до неба
С орловских полей и полян...
В соборе Бориса и Глеба
Крещен был Тургенев Иван.
В Орле он увидел березы,
Коня и оружие отца,
И алые-алые розы,
Что буйно цвели у крыльца.
Герой Бородинского боя
Отец был красив и в чести.
Его поднимал над собою:
«Расти, богатырь мой, расти!»

И няня смотрела любовно
Всей синью ласкающих глаз.
Давала Варвара Петровна
Старушке суровый наказ:
«На берег поставишь коляску,
Чтоб ветер лицо освежал».
Еще не дрожал он от сказки,
От книги еще не дрожал.
Смотрел на деревья, на небо.
Шла первая в жизни весна...
Собором Бориса и Глеба
Звала его вдаль
Старина.

Отсюда дороги начало
На Волхов, на Ливны, в Топки.
И слово звучит, как звучало,
Срываясь, как сокол с руки.

ПОВЕСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами ратных
повестей о походе Игоревои,
Игоря Святославича?

Из перевода О. В. Творогова

Не пора ли, братья, слово
О походе нам начать?
Пусть звучит оно сурово,
Как положено звучать!
Вспомним Игоревы раны,
Слезы жен и матерей
Не по замыслам Бояна,
А по былям наших дней.
Наш Боян творил напевы,
Растекая мысль по древу,
Серым волком в поле мчал.
Плыл орлом под облаками,
Пел о том, что было с нами,
Ни о чем не умолчал.
Помнил горькие години,
Межусобный жар боев,
Поднимал над лебединой
Стаей десять соколов:
Первый сокол нападет —
Первый лебедь запоет
Песню славу Ярославу
И отважному Мстиславу,
Что Редедю заколол

Пред косожскими полками,
Или красному Роману,
Что хвалу себе обрел.
Пел он старым,
Пел он юным
О делах минувших дней.
Он перстами бил по струнам —
И, как стая лебедей,
Струны пели-рокотали,
Подчиняясь соколам,
Уводя в седые дали,
К древним дедовским холмам.

2

Так начнем же повесть, братья,
Как, отвагой загорясь,
С удалой дружиной-ратью
На войну поехал князь.
Вдруг, бедой грозя походу,
По земле, по небосводу
Ночь пошла, сдвигая день:
Солнца лик закрыла тень.
Потемнела вся округа,
Звезды в сумерках горят.
Молча воины с испугом
В небо черное глядят.
Роет землю конь копытом.
Князь, тревогу затая,
Молвил: «Лучше быть убитым,
Чем в плену. Вперед, друзья!
Мы в кустах себя не прячем.
Русич в бранях закален.
Полям половцев поскачем,
Поглядим на синий Дон.
С вами вместе из шелома
Я донской воды напьюсь
И копьем вдали от дома
оля вражьего коснусь:
Либо славу заслужу,
Либо голову сложу».

3

Где, Боян, твои напевы?
Где ты, старый соловей?
Мыслью бегая по древу,
Думы смутные развей.
Торопись тропой Трояна
На родную сторону.
Славы двух времен Бонну
Разве трудно свить в одну?

Внук Велесов, брови хмуря,
Так бы славил ты поход:
«На Дону бушует буря,
Стаю галочью несет».
Или так: «Земля от гула
И от топота дрожит.
Кони ржут за речкой Сулой,
Слава в Киеве звенит.
В древнем Новгороде трубы
Над курганами трубят,
Над Путивлем белогрудым
Стяги русские шумят».

4

Игорь Всеволода ждет,
Брата милого зовет. Слышит Всеволода слово:
«Брат, седлай своих коней,
А мои давно готовы —
Возле курских рубежей.
Лихо воины-куряне
Рубят саблей и мечом.
Берегитесь, половчане:
Все отважным нипочем.
Скачут так, что пыль клубится,
В чужедальние края.
Даром что ли говорится:
«Вскормлены с конца копья!»
Рано трубами повиты,
В ратном деле горячи:
И колчаны их открыты,
И отточены мечи.
Луки в руки — скачут вместе
По ненашей стороне:
Князю славы, себе чести
Добывают на войне».

5

Князь вступил в золотое стремя,
Тронул резвого коня.
А кругом — ночная темень,
Свет исчез средь бела дня.
Стонут птицы, рев звериный
Душу воина томит.
Див уселся на вершину
И прислушаться велит
В грозной тьме, кромешной тьме
Всей незнаемой земле.
Станным криком всех тревожа,
Знак подал в глухую рань
Волге, Посулью, Сурожу,

Идолу в Тмутаракань.
Ищут половцы короче
К Дону путь, в тумане мчат.
Их телеги среди ночи,
Словно лебеди, кричат.
«Игорь, — крик тревогу бьет,
К дону воинов ведет!»
Верят русичи в победы,
Но уже в дубравах беды
Птиц пасут на деревьях.
Нагоняют звери страх.
В небесах орел кружится,
Трупы чует с высоты.
Брежут рыжие лисицы
На червленые щиты.
Далеко родимый дом.
Русь, уже ты за холмом!

6

Соловей запел и замер,
Мглой окутана земля.
Загорожены щитами
Русских воинов поля.
Свет зари упал на травы —
Время битву затевать,
Себе чести, князю славы
В поле бранном добывать.
Словно стрелы, утром рано
Полетели — грянул бой...
Потоптав полки поганных,
Много ткани дорогой,
Много серебра и злата,
Много взяли красных дев,
Сразу стали все богаты,
Половчина одолев.
И оружие, и стяг —
Все у Игоря в руках.
Век такого не бывало:
Где болотные места,
Шубы шли и покрывала
Вместо досок для моста.

7

Лунный свет белее снега,
Звезды светят высоко.
Крепко спит гнездо Олега —
Залетели далеко.
С князем, сыном Святослава,
Были храбрыми в бою.
Родились не для расправы

Соколам и воронью.
Ночью волком скачет Гзак,
Правит след ему Кончак,
Правит к Дону.
И над Доном
На заре сгустился мрак.
Четырем князьям на горе
Тучи двинулись от моря —
Половецкие полки.
Молний синий свет несется,
Бьет в четыре русских солнца
У Каялы у реки.
Время копья преломить,
О шеломы саблям бить.
Покатился к Дону гром.
Русь, уже ты за холмом!

8

Далека теперь дорога
В милый край, родной предел.
Внуки резвые Стрибога —
Ветры — веют тучи стрел.
Мутен Дон, мутна Каяла.
В поле пыль стеною встала,
В поле — крики, топот, гуд:
Это половцы идут.
Дети беса подступили,
Поле кликами закрыли.
Им навстречу Игорь-князь
Встал, щитами заслонясь.
Яр тур Всеволод!
Ты, брат,
Не подвинешься назад.
Сыплешь стрелы, саблей рубишь,
В ножнах меч беречь не любишь.
И на вражеский шелом
Ты обрушиваешь гром.
Ты отважным туром скачешь
В ярком шлеме золотом.
От руки твоей горячей —
Только головы кругом.
Что тебе любые раны,
Если ты среди мечей
Позабыл уют желанный
Милой Глебовны своей,
Позабыл Чернигов-град,
Где был весел и богат!

9

За высокие курганы

Отошли века Трояна.
Отшумели, как вода,
Ярославовы года.
Дни Олеговы в тумане:
Век Олег прожил во зле,
Из своей Тмутаракани
Сеял стрелы по земле.
В золотое ступит стремя
Он, отвагой загорясь,
Звон услышит в то же время
В Киеве великий князь.
Князь Владимир звон не слушал:
Он в Чернигове своем
Затыкал бывало уши
И спешил укрыться в дом.
Где Борис, сын Вячеслава,
Похвальбой известный всем?
Получил он суд кровавый,
Пал на травы, глух и нем.
Пал, поверженный Олегом,
Тем, что беды к нам привел...
Время схваток и набегов,
Время княжеских крамол.
Святополк отца в печали
Вез убитого домой.
Громко вороны кричали
Над родимой стороной,
Криком полнили поля,
Трупы воинов деля.
Заводили галки речь,
Где б добычу подстеречь.
Весь народ наш, внук Дажь-бога,
Долгой смутой потрясен,
Жил тревожно и убого,
Ждал беды со всех сторон.
Человек, не взвидев света,
Брел неведомо куда...
Были битвы. Но как эта —
Не бывали никогда.
Рать отвагою богата:
Бой ведут богатыри
От рассвета до заката,
От заката до зари.
Стрелы острые летят,
Сабли громами гремят,
Копий треск слышать повсюду,
Бьют булатом о булат.
О, незнаемое поле —
Край цветов и трав густых!
Напоили тебя вволю
Кровью воинов твоих.
Вновь сиять румяным зорям,

Звездам плыть в полночной мгле,
Но взойдут бедой и горем
Кости павших на земле...

10

Что шумит перед зарею?
Что в тумане мне звенит?
То с дружиной удаюю
Игорь птицею летит.
Ранен князь, но рвется в бой:
Брата рад прикрыть собой.
День сражались у Каялы,
Два — до самого темна.
А на третий стало мало
Им кровавого вина.
Стяги Игоревы пали,
Разлучился с братом брат.
Хорошо попиrowали:
Всюду мертвые лежат.
Вволю сватов напоили,
Сами рядышком легли.
Все в бою отважны были,
Честь дружины сберегли.
Никнет в жалости трава,
Горе клонит дерева...
И пришла на Русь обида,
Девой, лебедем прошла,
На Дону с печальным видом
Распахнула два крыла.
Дни години невеселой.
Жгут поганые жильё.
А князья куют крамолу:
«То мое и то мое!»
Улетел далече сокол,
Птиц хотел у моря бить.
Храбрый полк в траве высокой
Никому не воскресить.
Карна вскрикнула, и Желя
В души кинула разлад.
Жены в слезы:
«Ох, уже мы
Не увидим наших лад».

11

В дни печальные такие
Слезы лил и стар, и мал.
Впал в кручину стольный Киев,
И Чернигов застонал.
Той порою невеселой
Стон стоял в любом селе.

А князя свою крамолу
Знай ковали на земле.
Рать поганых набегала, —
Наша ссора — им игра, —
И спокойно собирала
Дань — по белке со двора.
Игорь, Всеволод — два брата
Вышли биться, наконец.
Били половцев проклятых,
Но не так, как их отец.
Святослав гремел грозою
В половецкой стороне.
Перед ратью боевою
На лихом скакал коне.
Полон гнева и отваги,
Бил врага, что было сил:
Притоптал холмы, овраги,
Ясны реки замутил.
И болота, и протоки
Иссушил — тверда рука,
На пол гридницы высокой
Бросил хана Кобяка.
И о нем уже вовеки
В мире слава не умрет:
Славят немцы, чехи, греки
И Венеции народ.
Славой Игоря не стала
Битва трех кровавых дней:
Ссыпал золото в Каялу,
Утопил богатства в ней.
Слава выбрала другого,
А ему горька судьба:
Из седла он золотого
Пересел в седло раба.

12

Святослав тоской томился,
Встал с тревогою в глазах:
Смутный сон ему приснился,
Сон на Киевских горах.
И боярам он бывалым
Говорил в начале дня:
«Этой ночью покрывалом
Черным кутали меня.
На кровати на тесовой
Пил я синее вино».
И прибавил князь сурово:
«С горем смешано оно!
Иноземцев я поганых
Видел так, что не вздохнуть:
Из пустых они колчанов

Жемчуг сыпали на грудь.
Стала меч искать рука,
Глядь — уж терем без князька.
Громко граяли вороны,
Покидая наш предел.
На высоком крутосклоне
Лес клонился и шумел».
И бояре отвечали:
«Князь, твой сон для нас не нов.
Ум недаром твой в печали:
Потерял ты соколов.
Понеслись к Тмутаракани,
Дона думали испить.
Крылья саблями поганых
Подсекли — не воротить.
В край отцовский не придут,
Не порвав железных пут.
В том бою два солнца было,
Но они погасли вдруг.
Тьма два месяца закрыла,
Как крылами зимних вьюг.
Тьма покрыла на Каяле
Свет полудня, добрый свет.
Стяги Игоревы пали —
Нет победы, славы нет.
Точно выводок звериный,
Лезут половцы, и вот
Див спускается с вершины,
Злое время настает.
Тучей беды налетели,
А у моря в свете дня
Девы готские запели,
Русским золотом звеня.
Вспоминают время Буса,
Славят мечь за Шарокана —
И звенят в их косах русских
Наши слезы, наши раны.
Не вернуться оба сына.
Им в чужом пиру похмелье.
Ну, а мы — твоя дружина —
Без веселья, без веселья».

На бояр взглянул сурово
Князь великий Святослав
И сказал златое слово,
Со слезой его смешав:
«О, сыны мои! Вы рано
Повели за славой рать.
Вы позволили поганым
Меч и волю отобрать.

Хоть в бою бесстрашны были,
Победил вас половчин.
Что ж вы, дети, сотворили
Серебру моих седин?
Нет в Чернигове у брата
Ярослава прежних сил,
Войска нет — он с ним когда-то
Рать поганую косил.
Где могуты? Где ревуги?
Где татраны-топчаки?
Шли они, соседи-друзи,
В наши русские полки.
И ольберы шли под знамя
Града Киева. В те дни
Засопожными ножами
Били недруга они.
Без щитов, а дело знали:
Рвали всадника с коня.
Многих с кликами прогнали,
В славу прадедов звеня.
Вы сказали: «В силы верим
И поставим на своем,
Славу старую разделим,
Славу новую возьмем!»
Не пришлось вам, дети, в поле
Новой славой прозвенеть.
В час такой пристало что ли
Старцу дома усидеть?
Молодею, как тот сокол,
Что взвивается высоко
И с налету птицу бьет,
Сильный, смелый, с гордым видом,
Не дает гнезда в обиду,
От напасти бережет.
Зло в одном, печалюсь я:
Не помощники — князья».

14

Сабли недругов поганых
Уж под Римовым гремят.
Князь Владимир в тяжких ранах
Свету белому не рад:
Кровь струится, как вода.
Сыну Глебову — беда.
Ты бы, Всеволод, пришел
Побережь отцовский стол!
В страхе ты не затрепещешь,
Редкой силой наделен,
Волгу веслами расплещешь,
Шлемом вычерпаешь Дон.
От твоей могучей рати

Сразу б недруг наш ослаб.
Шла б рабыня по ногате,
По резане был бы раб.
Бьешь ты копьями живыми —
Сыновьями удалыми Глеба — в лютого врага.
Русь тебе ль не дорога?
Где вы, Рюрик и Давид?
Русь в беде, земля горит!
Вы ли битвой не учены?
Ну-ка вспомните бои,
Когда шлемом золоченым
Войско плавало в крови!
То не ваша ли дружина
Мчалась туром-исполином,
Саблей раненым, рыча?
В золотое встаньте стремя,
Вас зовет лихое время:
Враг да сгинет от меча!
Выходите за курганы
Мстить за Игоревы раны,
Мстить за Родину свою
В новом яростном бою!
Ты умен, князь Ярослав,
Град твой Галич златоглав.
Высоко ты заседаешь
На престоле золотом.
Горы венгров подпираешь
Ты полками, как плечом,
Королю закрыл дорогу,
Дверь Дунаю затворил
И с отцовского порога
По врагу стрелою бил.
Мечешь камни ты за тучи.
Крепок ум, сильна рука.
Не пора ль тебе, могучий,
Сыпать стрелы в Кончака?
Пусть твое он, пес поганый,
Встретит мужество в бою.
Мсти за Игоревы раны!
Мсти за Родину свою!
Ты, Роман, бесстрашный витязь,
Ты, Мстислав, пора в поход!
В поле бранном появись:
Вас опять победа ждет.
Вы в отваге — как в полете
Стая смелых соколов.
Гордо головы несете,
Сея ужас на врагов.
Ваших панцирей железных
Не пробить любой стреле.
Сколько б недругов ни лезло,
Все остались на земле.

Не один в бою суровом
Шлем срубили с головы
У Ятвиги, у Хиновы, Деребелы и Литвы.
Вы и половцев повергли.
Где же свет былых побед?
Солнце Игоря померкло,
Войска княжеского нет.

15

Крепко русичи уснули:
Там беда и там — беда.
Уж по Роси и по Суле
Наши делят города.
Игорь-князь из полной чаши
Выпил красное вино.
Где ж вы, Ольговичи наши?
Встать за Русь пора давно.
Ингварь, Всеволод, идите!
Кличет Русская земля.
Копья польские возьмите,
Тучей стрел загородите
Двери в отчие поля.
Кличут рощи и поляны
В дорогом родном краю
Мстить за Игоревы раны,
Мстить за Родину свою!
В Переяславль, град великий,
Больше Сула не течет.
На Двине поганых клики
Больно слышать средь болот.
Горы немые, доли немые,
А князя как ни при чем.
Изяслав в чужие шлемы
Позвонил своим мечом.
Быть бы брату Брячиславу,
Быть бы Всеволоду там,
Не упал бы он на травы,
Головой прильнув к цветам!
Чуя смерть в разбитом теле,
Он дружину вспомнил вновь:
«Птицы крыльями одели,
Зализали звери кровь...»
На литовцев глянул смело
И умолк он, не дыша.
Улетела вон из тела
Чистым жемчугом душа.
Потускнело ожерелье.
Сжались губы навсегда.
И покинуло веселье
Наши села, города.
Ярослава и Всеслава

Внуки, горе нам от вас.
Сами дедовскую славу
Погребли в недобрый час.
Вы, творя крамолу рьяно,
Стали злом родной земли.
Вы насилие поганых
В дом отцовский привели.

16

Вышло утро из тумана,
Сумрак ночи подобрал.
На седьмом веку Трояна
Бросил жребий князь Всеслав.
Конь Всеслава быстр, как птица.
Князь коварен и удал:
Бросил жребий о девице
И на Киев поскакал.
Разменять задумал терем
Он на киевский престол.
Но не взял его и зверем
Прочь от города пошел.
Ночью в Белгород ворвался,
Утром Новгород крушил,
Но недолго там остался,
На Немигу поспешил.
На Немиге не снопами,
Головами стелят ток,-
Бьют булатными цепами,
Обрывая жизни срок.
И летит душа от тела
В неизвестные пределы.
Сеют поле не зерном —
Кости русские кругом...
Был Всеслав-хозяин прав:
Сам судил и сам рядил,
Серым волком среди ночи
До Киева доходил.
Певуны рассветной рани —
Петухи покажут пыл,
А уж князь в Тмутаракани.
Глядь — уж Хорсту путь закрыл.
Звон к заутрени в Софии
Полоцк слушает. А он
Уж глядит с горы на Киев
И тот самый слышит звон.
Хоть душа была и вещей,
Но и он от бед страдал.
Там, где Днепр волнами плещет,
Наш Боян не зря сказал:
«Ты коварным занят делом,
Но конец один в пути.

Знай: ни хитрым, ни умелым
Божий суд не обойти».
Тяжко стонет Русь святая,
Дни былые вспоминая.
Не придет Владимир к нам,
К славным Киевским горам.
Стяги Рюрика, Давида
Не в одном строю встают.
На душе печаль-обида:
Копья в поле врозь поют.

17

Слышат птицы, пролетая
Утром рано над водой,
Слышат голос на Дунае
Ярославны молодой:
«Я кукушкою-зегзицей
Над Дунаем полечу.
Где Каяла серебрится,
Там рукав свой омочу.
Полечу я за курганы,
Мужа милого найду,
Рукавом я вытру раны,
Боль от сердца отведу».
День в Путивле кликом начат,
Слезным кликом в тишине.
Ярославна горько плачет,
Вся душа ее в огне:
«Ты зачем, ветрило, веешь
Против мужа моего,
Стрелы хиновские сеешь
Все на воинов его?
Неужели было мало
Гнать по морю корабли?
От руки твоей, удалый,
Облака по небу шли.
Ты летишь проворной тенью
Не туда, куда велю.
Ты отнял мое веселье
И разнес по ковылю».
Ярославны голос кручи
Слышат в городе родном:
«Днепр Славутич! Днепр Славутич!
Принеси мне радость в дом.
Ты пробил крутые горы
Половецкой стороны.
Ты лелеял на просторе
Святославовы челны.
Прилелей же, господине,
Друга милого ко мне,
Чтобы слез не лить в кручине

Мне в родимой стороне».
Солнце лик то в тучку прячет,
То опять откроет лик.
Ярославна рано плачет,
Посылает к солнцу клик:
«Солнце! Светлое ты солнце!
Для тебя преграды нет.
Шлешь ты в каждое оконце
Красный свет, горячий свет.
Ты зачем же поспешило
К войску мужа моего,
В поле зноем иссушило,
Не жалея никого?
Был измучен воин каждый
На виду у половчан.
Лук тутой согнуло жаждой,
Затворило им колчан...».

18

Море прыснуло к полночи.
Мглой укутан небосвод.
Князь бежать, из плена хочет.
Он не спит, Овлура ждет.
Князь под хмурым небосклоном
Видит в мыслях дом отца.
Поле меряет от Дона
И до Малого Донца.
Ровно в полночь он услышал
Свист Овлура у реки.
Из шатра проворно вышел,
Горностаем — в тростники,
Белым гоголем — водою,
Чистым полем — на коне.
Звезды стайкой золотою
Тихо плыли в вышине.
Позади — шатры и вежи.
Ровной степью путь лежал.
По росе студеной, свежей
Серым волком князь бежал.
Добывал обед и ужин,
В небе соколом кружа.
С ним Овлур был крепко дружен,
Был проворнее стрижа.
«Игорь-князь! — под говор птичий
Вдруг Донец сказал во мгле, —
Ты немало возвеличен.
Быть веселью на земле!»
«Донче! — молвил князь с поклоном, —
Возвеличен будь в веках.
Мне в тени древесной кроны
Ты ковер стелил зеленый

И лелеял на волнах.
Стugna — речка не такая:
Знай бежит, ручьи глотая.
За ладьей она ладью
Тянет вниз, как дань свою.
Ростислав нашел могилу
На ее глубоком дне.
Плачет мать. Цветы унылы.
Никнет дерево к земле...».
Новый день готовит беды,
Раздвигая ночи мрак.
То не шум сорок — по следу
Едет Гзак, а с ним — Кончак.
Гзак промолвил: «Вижу, сокол
Поднимается высоко
И летит к себе домой.
Что ж, и мы не прогадаем,
Соколенка расстреляем
Золоченою стрелой». —
«Ты поводья больно круто
Натянул, — сказал Кончак. —
Красной девицей опутать
Соколенка надо, Гзак». —
Потеряем мы девицу, —
Гзак ворчит, от злости лют. —
В половецком поле птицы
Нас с тобою заклюют...».
От кургана до кургана
Льется речкой речь Бояна,
Золотая льется речь:
«Голове нельзя без плеч!».
Песнотворец Святослава,
Дней Олега, Ярослава
Кинул вещие слова:
«Русь без князя не жива!»
Солнце светится, играя.
Широко шумят леса.
Вьются, вьются на Дунае
Молодые голоса.
Через море в Киев-град
Песни девичьи летят.
Веселы сады и рощи.
Едет князь в Боричев свой,
Едет к храму Пирогощей
Богородицы святой.
Рады села, города.
Русь от счастья молода.
Мы князьям пропели старым,
А теперь с душевным жаром
Молодым своим князьям;
Игорю Святославичу — слава!
Всеволоду и Владимиру — слава!

Слава — вам, слава — вам!
Здрав будь, князь! Дружине — слава!
Рать полков поганых, сгинь!
Крепни Русская держава,
На века веков!
Аминь.

* * *

Слово о походе новгород-северского князя Игоря на половцев в 1185 году пересказывали стихами многие, в том числе наш земляк И. А. Новиков, автор известных романов о Пушкине. Видели мы пересказ среди рукописей Е.Г. Сокола, уроженца Болхова, друга С. А. Есенина.

В походе Игоря могли участвовать люди из нашего края. Об этом писали местные историки Г. М. Пясецкий («Исторические очерки города Орла» — 1874) и А. Н. Шульгин («Минувшее Орловского края» — 1903).